

DOI: 10.31857/S0130386424050153

© 2024 г. Е.Е. САВИЦКИЙ

Н.А. БУЛГАНИН И Н.С. ХРУЩЕВ В БИРМЕ В 1955 году: ОТТЕПЕЛЬ, ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ И АМБИВАЛЕНТНОСТИ СОВЕТСКОГО ОФИЦИАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Савицкий Евгений Евгеньевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-Mail: e.savitski@gmail.com

Scopus Author ID: 57215186969; ORCID: 0000-0001-6649-3854; Researcher ID: R-7745-2016
Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. Исследуется роль двусмысленностей и противоречий в советском официальном политическом языке периода «оттепели» в контексте внутренних и внешних политических изменений. В качестве основного источника используется составленное на основании публикаций в газете «Правда» двухтомное издание «Миссия дружбы: пребывание Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Индии, Бирме, Афганистане», опубликованное в 1956 г. и посвященное поездке, состоявшейся годом ранее. Внутренней противоречивости и непоследовательности советской политики уделяется особое внимание в историографии последних лет, отошедшей от теории тоталитаризма. В частности, указывается на столкновение внутри- и внешнеполитических задач в связи с процессами деколонизации в 1950–1970-е годы. На примере освещения визита Булганина и Хрущева в Бирму делается попытка выявить конкретные обстоятельства появления противоречий, степень их эксплицитности в официальном советском тексте, их значение для внешнеполитического курса и политики внутри страны. Обращается внимание также на многозначность самого жанра описаний поездок первых лиц государства. Такого рода публикаций не было во времена Сталина, а их появление при Хрущеве толковалось по-разному. Двойная амбивалентность текста, на уровне формы и конкретных описываемых обстоятельств визита в Бирму, делает его особенно сложным документом. Автор приходит к выводу, что двойственность официального языка была в значительной мере осознанной стратегией, но во многих случаях являвшейся результатом вынужденной импровизации, имевшей целью примирить различные политические задачи. Противоречия делали возможным сочленения разных политических языков, дестабилизировавших официальную советскую риторику, но одновременно придавших ей больше гибкости и открытости.

Ключевые слова: СССР, Бирма, Мьянма, внешняя политика, визиты официальных делегаций, Н.А. Булганин, Н.С. Хрущев, У Ну.

E.E. Savitsky

Nikolai Bulganin and Nikita Khrushchev in Burma in 1955: Thaw, Decolonization, and Ambivalences of the Soviet Official Language

Savitsky Evgeny, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: e.savitski@gmail.com

Scopus Author ID: 57215186969; ORCID: 0000-0001-6649-3854; Researcher ID: R-7745-2016

This article was prepared with the support of a grant, provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. In the article, the author examines the function of ambiguity and contradiction in the Soviet official political language of the Thaw period in the context of internal and external political transformations. The two-volume publication, entitled “Mission of Friendship: N.A. Bulganin and N.S. Khrushchev’s Visit to India, Burma, Afghanistan”, published in 1956 and dedicated to the journey undertaken a year prior, serves as the principal source. Recent historiography has devoted significant attention to the internal contradictions and inconsistency of Soviet policy, particularly the clash between domestic and foreign policy objectives in the context of decolonisation processes from the 1950s to the 1970s. This shift in focus has marked a notable departure from the dominant theoretical perspective of totalitarianism. In examining the case of Bulganin and Khrushchev’s visit to Burma, the author seeks to discern the underlying contradictions, their degree of explicitness in the official Soviet text, and their impact on foreign and domestic policy. The analysis reveals that the ambivalence evident in the official narrative was, in large part, a strategic maneuver, though in many instances, it was the product of ad hoc improvisation aimed at harmonizing disparate political objectives. The existence of contradictions and ambivalences enabled the emergence of disparate political discourses, which undermined the rigidity of the official Soviet rhetoric while simultaneously rendering it more adaptable and malleable.

Keywords: USSR, Burma, Myanmar, foreign policy, visits of official delegations, Nikolai Bulganin, Nikita Khrushchev, U Nu.

«Около часа дня на аэродроме послышался нарастающий гул авиационных моторов. В ярко-синем небе зажглись сверкающие искорки – приближалась армада самолетов, в центре которых шел советский “Ильюшин-14”. Его эскортировали десять бирманских истребителей типа “Спитфайр”¹ и шесть реактивных самолетов “Вампир” – так 1 декабря 1955 г. начинался семидневный визит Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Бирму (совр. Мьянма)². Подробные сообщения об этом визите публиковались в советской прессе, а вскоре на основе отчетов о поездке в «Правде» был издан двухтомник «Миссия дружбы: Пребывание Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Индии, Бирме, Афганистане», включавший также тексты официальных выступлений. Годом позже появляется более краткое, в одном томе, описание поездки в Бирму маршала Г.К. Жукова, составленное Л.М. Китаевым и Г.Н. Большаковым³. В 1960 г., после второго визита Н.С. Хрущева в Бирму и другие азиатские страны, было опубликовано уже три посвященных поездке тома: сборник материалов «Счастье и мир – народам!»⁴ и двухтомное собрание репортажей советских журналистов «Разбуженный Восток»⁵. Появление этих изданий свидетельствует не только об особой важности отношений со странами Южной и Юго-Восточной Азии в эпоху деколонизации, холодной войны и нарастающего соперничества с КНР, но и о том, сколь значимым был сам факт путешествий, описания которых, содержавшие исторические, этнографические и географические экскурсы, далеко выходили за рамки необходимого внешнеполитического информирования населения. В то же время трактовки таких поездок могли весьма различаться.

Еще чуть позже, 19 ноября 1962 г., выступая на пленуме ЦК КПСС по вопросу о партийном руководстве народным хозяйством, Н.С. Хрущев сделал отступление от основной темы разделения парторганизаций по отраслевому принципу, подвергнув критике вынесенного годом ранее из мавзолея И.В. Сталина за то, что тот мало путешествовал и встречался с людьми. Сравнивая Сталина, который «не верил массам», «не уважал рабочих»,

¹ Так в тексте. Правильно – «Спитфайр».

² Миссия дружбы: Пребывание Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Индии, Бирме, Афганистане. Вып. 2. Сообщения специальных корреспондентов «Правды». М., 1956. С. 178–179.

³ Китаев Л.М., Большаков Г.Н. Визит дружбы. Пребывание Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в Индии и Бирме. М., 1957.

⁴ Счастье и мир – народам! Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева в Индии, Бирме, Индонезии и Афганистане. 11 февраля – 5 марта 1960 г. М., 1960.

⁵ Разбуженный Восток: Записки советских журналистов о визите Н.С. Хрущева в Индию, Бирму, Индонезию, Афганистан. Кн. 1–2. М., 1960.

и Ленина, который «глубоко понимал массы», «всегда был с рабочими», Хрущев указал собравшимся: «После революции Ленин немного прожил, но посмотрите, как тесно он был связан с массами. У него постоянно бывали ходоки от крестьян, делегаты рабочих, солдат. Он едет в деревню на открытие электростанции за десятки километров. Он едет к людям, к крестьянам, хочет их видеть, слышать сам, а не по докладам судить об их настроениях. Он выступает на митингах – на одном, на другом. Разве других ораторов не было? Были. Но Ленин хотел бывать на заводах, хотел не только говорить, но и видеть, как живут люди, хотел знать и чувствовать дух рабочих, для которых он жил и трудился. А Сталин где бывал? Однажды приехал на завод “Динамо”, и только тогда, когда шла борьба с троцкистами и зиновьевцами. После этого он на заводы не ездил. Все поездки – на дачу и в Кремль. Кремль был для посещений закрыт. И по городу боялся ездить, людей боялся. Запер себя человек в бронированном ящике. Какая это жизнь без связи с народом!»⁶ Хрущев преувеличивает склонность Ленина к путешествиям после революции: более дальней поездки, чем на открытие электростанции в подмосковной деревне Кашино 14 ноября 1920 г., он вспомнить не смог. Тем не менее любовь к поездкам оказывается важнейшим элементом следования истинно ленинскому курсу.

Еще через почти два года, на октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г., когда Хрущева сместили с должности первого секретаря ЦК, секретарь ЦК КПСС М.А. Сулов ставил в вину теперь уже самому Хрущеву, что тот, отойдя от ленинских принципов коллективного руководства, препятствовал путешествиям членов Президиума ЦК: «Большой вред в работе Президиума и Центрального Комитета наносился также и тем, что члены Президиума были фактически лишены возможности выезжать на места. В каждом из нас бьется коммунистическое сердце, и хотелось бы почаще бывать на местах, общаться с людьми, но в каждом случае, когда ставился вопрос о поездке того или иного члена Президиума в ту или иную республику или область, тов. Хрущев делал язвительное замечание: “Если делать нечего, поезжайте. Туристическую поездку хотите совершить?”⁷».

Здесь можно отметить, что по наблюдениям Д. Коенкер, изучавшей историю отдыха и туризма в СССР, как раз в эпоху Хрущева исчезает представление о том, что отпуск надо непременно посвятить восстановлению сил для новых трудовых подвигов, повышению собственного культурного уровня, воспитанию патриотизма и т.п. Свободное время, связанные с ним развлечения и веселье признаются самостоятельными целями. Отдых становится частью потребительской культуры и даже приобретает черты «престижного потребления»⁸. Характерно, что в приведенной Суловым цитате Хрущев пользуется уже этим новым пониманием туризма, в то время как сам Сулов апеллирует еще к старой легитимации поездок – их требует «коммунистическое сердце». При этом поездки самого Хрущева включали в себя прогулки на корабликах с осмотром достопримечательностей, посещение танцевальных праздников, приобщение к местной кухне и многое другое, что выглядело развлечением. Включенные в сборник о поездке в Индию, Бирму и Афганистан в 1955 г. фотографии то и дело демонстрируют веселое, а вовсе не деловое настроение советских руководителей.

В тексте есть и прямые указания на эпизоды, маркируемые как «отдых». Например, на десятый день пребывания в Индии советские руководители посещают окрестности Утакамунда: «Разбросанный на склонах гор, утопающий в зелени Утакамунд каждое лето привлекает к себе туристов со всей страны. Столетний ботанический сад, являющийся украшением этого города, знаменитые утакамундские выставки цветов и фруктов, лодочные гонки на высокогорном озере, прогулки к прославленным водопадам Пайкара, наконец,

⁶ Пленум Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза. 19–23 ноября 1962 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 90–91.

⁷ Запись выступления члена Президиума и секретаря ЦК КПСС тов. М.А. Сулова на пленуме Центрального комитета КПСС // Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. А.Н. Артизов, В.П. Наумов, М.Ю. Прозуменщиков и др. М., 2007. С. 255.

⁸ Коенкер Д. SPАсибо партии: Отдых, путешествия и советская мечта. СПб., 2022. С. 245–410.

замечательный мягкий климат — все это составляет заслуженную славу курорта. ...После непродолжительного отдыха товарищи Хрущев и Булганин отправились в расположенное неподалеку от Утакаmunда селение Сингари, где находятся крупные чайные и кофейные плантации, принадлежащие индийской компании “Сингари Нилгири плантейшн компани”⁹. Хотя отмечается, что отдых был кратким, перечисление доступных в Утакаmunде удовольствий позволяет предположить его насыщенность. Стоит отметить также, что Утакаmunд — один из типичных «горных городков», устроенных британцами для летнего отдыха. С XIX в. и до обретения Индией независимости он служил летней резиденцией губернатора Мадраса. Не случайно упоминание в тексте лодочных гонок — одного из любимых британских спортивных развлечений. То, что Хрущев и Булганин наслаждаются прелестями колониального курорта, а затем отправляются осматривать чайные плантации, не лишено двусмысленности. В описании путешествия специально оговаривается, что плантации с 1951 г. перешли под контроль индийской компании, что как бы предполагает отсутствие на них прежней иностранной эксплуатации, теперь индийцы работают сами на себя. О колониальном же прошлом Утакаmunда прикомандированные к советским руководителям журналисты предпочитают не сообщать.

На октябрьском пленуме 1964 г. Суслов прямо указывает, что поездки Хрущева приобрели все более «парадный характер, с подношениями ему хлеба и соли и бесконечным повторением им одних и тех же неквалифицированных советов по каждому поводу и без всякого повода». Чуть дальше Суслов добавляет: «Тов. Хрущев в последние годы все больше терял чувство скромности, которое так необходимо партийному руководителю ленинского типа. Даже в поездке за границу по государственным делам он ни с того ни с сего брал с собой все свое многочисленное семейство и потомство, близких и дальних родственников и, конечно, угодников и подхалимов и их жен. Это были дорогостоящие поездки»¹⁰.

Упомянутый Сусловым «парадный характер» путешествия можно увидеть в процитированном в самом начале описания прибытия в Бирму в 1955 г.: Булганин и Хрущев появляются с неба в сверкающем огнями современном самолете с огромным сопровождающим их кортежем из бирманских истребителей. Огни кортежа и советского самолета при этом сливаются с огнями большого бирманского праздника Тазаунгдайнг: «В эти дни Рангун обычно ярко иллюминируется и люди искренне и радостно веселятся. В нынешнем году в связи с прибытием гостей из Москвы иллюминация особенно ярка и нарядна. Разноцветными мигающими огнями украшены шпили древних пагод. Гирлянды раскрашенных лампочек и фонариков висят поперек улиц и вдоль фасадов правительственных зданий, скрываются в густой листве могучих тропических деревьев»¹¹. Этим этнографическим описанием прибытие Булганина и Хрущева демократизируется — из вознесенного над земной жизнью парада оно превращается в часть народного праздника, который благодаря прибытию гостей становится особенно ярким и радостным.

В то же время описание праздника подспудно содержит в себе двусмысленность. В Бирме, как и в соседнем Таиланде, он имеет религиозный характер: зажженная свеча символизирует свет учения Будды, а сами праздничные ритуалы, совершаемые после окончания сезона дождей, — очищение от дурных мыслей и вообще всего плохого, возможность начать жизнь заново. В этот день принято совершать пожертвования монастырям. В советском описании религиозный характер праздника ожидаемо не упоминается, но самим этим намеренным умолчанием признается возможность уподобления Булганина и Хрущева, в честь которых горят огни в небе и на земле, богам. Чтобы не допустить этого и вообще представить Бирму в более светском ключе, авторы описания цензурируют бирманскую праздничную традицию, создавая тем самым новое противоречие — стремление к большей открытости в отношениях с далекой страной, в том числе стремление открыть ее

⁹ Миссия дружбы... Вып. 2. С. 131.

¹⁰ Запись выступления... С. 257.

¹¹ Миссия дружбы... Вып. 2. С. 178.

для советских читателей и показать бирманцам дружественное лицо СССР, сталкивается с противоположным желанием прочно отгородиться от того, что не вписывается в желаемую картину путешествия.

В работах последних лет противоречивости советского официального дискурса уделяется особенно много внимания. Если в рамках теории тоталитаризма, доминировавшей в западных советологических исследованиях периода холодной войны, отмечалась мощь советской идеологии и навязывавшего ее гражданам аппарата принуждения¹², то с 1980-х годов, особенно в рамках так называемых «исследований советской субъективности», больше внимания уделялось усвоению жителями СССР советского официального языка, их способности идентифицировать себя с ним, причем вполне осознанно и целеустремленно, вплоть до готовности к самопожертвованию, чтобы стать настоящим коммунистом, что видно среди прочего по дневниковым и автобиографическим свидетельствам¹³. На рубеже XX–XXI вв., отчасти под влиянием моды на деконструктивистскую философию, стало обращаться больше внимания на непоследовательность, противоречивость советского дискурса, на его непрозрачность, которая, в частности, открывала большие возможности для создания ложных идентичностей, вплоть до самозванчества¹⁴.

Схожая трансформация происходила на рубеже XX–XXI вв. и в исследованиях ориентализма – характерных для западной культуры стереотипных образов Востока, с которыми мы имеем дело и в процитированном отрывке о прибытии в Бирму: страна с самого начала представляется как нечто красочно-инаковое, как вневременная этнографическая традиция. Не случайно в наше время праздник огней весьма популярен у посещающих Юго-Восточную Азию туристов, ищущих ярких развлечений и не очень интересующихся повседневной жизнью местного населения или актуальными политическими противоречиями. Э. Саид вслед за М. Фуко понимал дискурс как систему высказываний, сформированных культурной традицией, за пределы которой человек не может выйти, поскольку эти высказывания уже на лингвистическом уровне задают границы осмысления действительности, допускают лишь определенные способы соединения понятий и метафор. В итоге этот влиятельный дискурс оказывается неотличим от самой действительности, действительность приобретает его очертания. Для Саида житель обобщенно понимаемого Востока не способен опровергнуть ориенталистские стереотипы, поскольку сначала должен усвоить язык, на котором это можно сделать, но, поскольку это язык европейской традиции, то стоит его усвоить, и опровергать будет нечего¹⁵. Иначе ситуацию видел Х. Баба, который вслед за Ж. Деррида понимает всякий язык как больной, распадающийся, не способный к какой-либо завершенности и целостности, а потому разьедаемый противоречиями¹⁶. Никакое высказывание не может быть прояснено в полной мере, и само желание сделать это будет порождать дополнительные комментарии, лишь умножающие потребность в пояснении. Применяя размышления Деррида к ситуации в колониальной Индии, Баба писал об особой амбивалентности колониального дискурса, который постоянно колеблется между возвышенно-эпическим и низменно-комическим эффектами. Заявляя о великой цивилизаторской миссии, способствующей распространению в Индии прав человека, просвещения, европейской

¹² *Пайнс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. См. также: За рамками тоталитаризма: Сравнительные исследования сталинизма и нацизма / под ред. М. Гейера, Ш. Фицпатрик. М., 2011.

¹³ *Коткин С.* Говорить по-большевистски (из кн.: «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») // Американская русистика: Вехи историографии последних лет, советский период. Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 250–328; *Халфин И.* Автобиография большевизма. Между спасением и падением. М., 2023; *Хельбек Й.* Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи. 3-е изд. М., 2023.

¹⁴ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011; *Хлевнюк О.В.* Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М., 2023.

¹⁵ *Саид Э.* Ориентализм. М., 2021. С. 17–60.

¹⁶ *Bhabha H.* Of Mimicry and Man. The Ambivalence of Colonial Discourse // Bhabha H. The Location of Culture. New York; London, 1993. P. 85–92.

медицины и т.п., колониальные власти оказываются вынуждены тут же делать оговорки, ведь полное предоставление гражданских прав индийцам разрушит саму систему внешнего господства над страной; стремление привить всех от заразных болезней потребует слишком больших затрат и обернется бунтами, и т.п.; поэтому исцелить, обучить и наделить правами можно будет не всех и не полностью¹⁷. Колониальный дискурс, отмечает Баба, постоянно производит «частичные объекты». Эти оговорки, которыми все больше обрастает великое эпическое послание колониализма, делают его проект комичным в глазах угнетенных, что ведет к утрате европейцами культурной и политической гегемонии, к краху колониального порядка.

Являются ли указываемые в исследованиях последнего времени противоречивость советского официального дискурса и амбивалентность языка колониализма лишь продуктами одной теоретической моды, или же в этих работах действительно открывается что-то, позволяющее ставить вопрос о сходствах и, что не менее важно, различиях между советским и колониальным дискурсами? Кроме того, уподобление СССР, а вслед за ним и современной России колониальной империи по ряду политических причин стало довольно расхожим в публицистике последних лет, которой гораздо больше, чем серьезных исследовательских работ по этой теме. Прибытие Хрущева в Бирму, будучи частью антиколониальной политики СССР, одновременно оперирует ориенталистскими стереотипами и может быть истолковано как стремление к собственной экспансии за счет бывших британских колоний. Вопрос в том, является ли непристойно-имперское «подлинной» оборотной стороной «антиколониального» или наоборот, за внешней архаичностью, несоответствием современности советских описаний скрывается все же нечто иное, чем раньше, для которого просто еще не найден новый язык и потому используется старый, изламывающийся в противоречиях? Логика поиска подлинного за видимым привлекательна тем, что позволяет заниматься разоблачениями, обнаруживать чужие непристойные секреты, что в некоторых случаях действительно необходимо. Однако в других случаях, может быть, важно не столько разоблачить противоречия и избавиться от них, сколько исследовать конкретные множественные способы их функционирования в политическом языке: как продуцировались такие противоречия, в какой степени они были осознанными, подрывали ли они советскую политику, как считают многие исследователи, или же, напротив, делали ее более гибкой, позволяя удерживать одновременно разные тактические возможности?

Прежде чем вернуться к примерам из описания поездки Хрущева и Булганина, стоит еще обратить внимание на форму публикации этого текста, на ее необычность. В уже цитировавшемся выступлении Сулова на октябрьском пленуме 1964 г. о поездках Хрущева говорится: «При этом каждая такая поездка всегда сопровождалась огромными отчетами, публикуемыми во всех органах печати. В этих отчетах фиксировался буквально каждый чих и каждый поворот тов. Хрущева. Эти отчеты, наверное, набили всем нашим людям оскомину»¹⁸. Длительность поездок Хрущева и подробность их освещения действительно были необычны. Ни поездки Сталина в Тегеран и Берлин, ни поездки по стране М.И. Калинина не стали предметом многотомных описаний. Могли публиковаться карты поездок и встреч с людьми, но и это не было правилом.

Описания путешествий составлялись в предшествующую эпоху тогда, когда они были связаны с экстремальными испытаниями и великими достижениями, например исследованиями Арктики. Поездки Хрущева дальностью и продолжительностью, пренебрежением

¹⁷ Ср.: Арнольд Д. Государственное здравоохранение и государственная власть: Медицина и гегемония в колониальной Индии // Болезнь и здоровье: Новые подходы в истории медицины / под общ. ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб., 2008. С. 168–195. См. также об основных современных направлениях исследований колониализма: Мирзаханов В. С. Феномен колониализма в мировой истории: темы и тенденции новейшей историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Спец. выпуск «Африка в мировой истории». URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁸ Запись выступления... С. 257.

к возможным опасностям, видимо, также претендовали на своего рода героизм. В описании поездки в Бирму то и дело отмечается стремление представителей западной прессы устроить провокации – они выступают своего рода трикстерами, «демонически-комическими дублерами культурного героя»¹⁹: «Корреспонденты английских и американских буржуазных газет, продолжающие плестись по стопам гостей из Москвы, не могут не видеть, как много людей выходит повсюду навстречу советским руководителям и как горячо эти люди приветствуют их. ... Вчера вечером эти ловкачи разыскали в толпе одного человека, который написал на бумажке трудные для его произношения имена советских лидеров и кричал здравичу в их честь, заглядывая в бумажку, чтобы не исказить фамилий. Американские и английские фоторепортеры окружили его толпой и начали снимать со всех сторон, бурно и неприлично выражая свою радость по поводу того, что им “удалось” найти такой “кадр”. Они обнимались, целовались и поздравляли друг друга: они напишут, что власти-де заставляют народ выкрикивать приветствия по заранее розданным бумажкам»²⁰. Тем самым в тексте создается комически-гротескный образ преследовавших Хрущева вражеских агентов.

На обратном пути при перелете в Афганистан из-за сложных метеоусловий самолет не смог совершить посадку в Кабуле и ушел в Сталинабад (совр. Душанбе), где Б.Ф. Гафурову пришлось срочно организовывать встречу гостей: «С аэродрома товарищи Булганин и Хрущев направились в город. На протяжении всего пути следования их горячо приветствовали трудящиеся столицы Таджикистана»²¹. В связи с этим эпизодом описание поездки напоминает рассказы о подвигах совершавших дальние перелеты советских летчиков. Приводятся слова командира корабля летчика 1-го класса Н. Цыбина: «Летим в облаках и между слоями облаков. Они громоздятся выше и ниже нас – темнолиловые с белесыми прослойками. По радио узнаем, что в Кабуле идет дождь вперемешку со снегом. Аэродром расположен на высоте 1700 метров над уровнем моря. Кругом Кабула горы возвышаются до трех тысяч метров. Дождь продолжается. Нижняя кромка облаков опустилась над землей до ста метров. Видимость по горизонту почти отсутствует»²². По словам Цыбина, только после радиограммы от премьер-министра М. Дауда о невозможности принять самолет советские руководители решают-таки изменить курс.

Подобно тому, как в 1937–1938 гг. в Москве организовывались торжественные встречи экипажа Чкалова и папанинцев, в честь Булганина и Хрущева в аэропорту Москвы был устроен массовый митинг, участники которого, выступая, рассказывали, как внимательно следили за ходом поездки. «Мы ... вместе с Вами волновались», – сказал Н.М. Кузьмин, токарь завода «Красный пролетарий», лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета РСФСР. При всей официозности приветственных речей они позволяют увидеть, каким должно было быть восприятие поездки и подробных новостей о ней. «Москвичи не только наблюдали за Вашей поездкой», но и «радовались ходу ваших бесед», – говорил председатель Мосгорисполкома М.А. Яснов. «Мы от души радовались», – вторила ему учительница московской школы № 494 А.В. Федорова. Путешествие Булганина и Хрущева оказывается коллективным переживанием всего советского народа, и именно потому должно было быть максимально подробно представлено как в газетах, так и в изданных чуть позднее книгах.

Впрочем, описания поездок Хрущева могли вызывать и другие ассоциации. Монографические описания путешествий первых лиц государства, не характерные для 1920–1940-х годов, были обычны в дореволюционные времена. Возможно, самое известное сочинение такого рода, в том числе благодаря своему художественному оформлению, – трехтомное описание путешествия на Восток в 1890–1891 гг. будущего императора Николая II, составленное

¹⁹ Трикстер // Мифологический словарь / под ред. Е.М. Мелетинского. М., 1992. С. 670.

²⁰ Миссия дружбы... Вып. 2. С. 223.

²¹ Там же. С. 347.

²² Там же. С. 346.

кн. Э.Э. Ухтомским²³. В других подобных текстах описывались поездки великих князей Николая Николаевича Старшего, Михаила Николаевича, Владимира Александровича, Алексея Александровича, Георгия Александровича и др.²⁴ Здесь нет возможности провести подробное сопоставление этих текстов с травелогами эпохи Хрущева, но особое внимание к парадной и церемониальной составляющей путешествий было для них общим.

Показательно, что именно от темы «парадности» путешествий Хрущева Суслев на октябрьском пленуме 1964 г. переходит к вопросу о возрождении культа личности: «Тов. Хрущев бесцеремонно, неудержимо, всеми силами, открыто раздувал культ своей личности ...и его угодниками все делалось для того, чтобы каждый день публиковались либо его длиннейшие речи, либо многочисленные фотографии»²⁵.

Посвященный визиту в Индию, Бирму и Афганистан двухтомник «Миссия дружбы» содержит немало фотографий. Раздел о посещении Бирмы открывается цветным снимком, на котором члены советской делегации плывут по озеру Инле на раззолоченной пышной «Королевской барже»²⁶. В тексте об этом эпизоде путешествия говорится: «У празднично украшенной пристани стоит необычайный корабль, сделанный в форме птицы. Это так называемая “Королевская баржа”. Она щедро украшена позолотой и тончайшей резьбой. Гости поднимаются на борт корабля. Звучит команда, и... восемьсот гребцов, стоящих в затылок друг другу в десяти длинных и узких баркасах, на буксире у которых идет “Королевская баржа”, одновременно налегают на весла. Гребцы гребут стоя, держа весло в руке и отталкивая его назад ударом пятки»²⁷. Далее целую страницу занимает описание того, как баржа плывет по озеру и, наконец, причаливает к построенному посреди него на сваях бунгало. Там гостей щедро потчуют, и они становятся свидетелями праздничной регаты, описание которой занимает еще одну страницу. Вечером того же дня в благодарственной речи после торжественного обеда, устроенного Сао Кун Чо, главой входящего в состав Бирмы Шанского государства, Н.А. Булганин горячо поблагодарил за регату, но не стал упоминать о «Королевской барже» с 800 гребцами: «Мы весьма были тронуты горячим, искренним выражением чувств вашего народа, с которым мы встретились на чудесном озере Инле, где мы наблюдали захватывающие состязания в гонке на лодках. В этих выражениях чувств к нам мы видим яркую демонстрацию дружбы между нашими народами»²⁸.

На другой фотографии, не включенной в двухтомник, но сохранившейся в семейном архиве Л. Симоновой²⁹, можно увидеть украшенный цветами подиум, на котором возвышается покрытый пестрой тканью постамент с белым бюстом Булганина. Слева видна подсвечивающая бюст лампа — уже стемнело, и ярко сияющий образ Булганина особенно выделяется на изображении. Справа на подиум поднимаются оба советских руководителя в тюрбанах и с массивными золотыми украшениями на груди, при этом Булганин, оставаясь несколько в тени, с видимым смущением показывает рукой на свое изваяние, а Хрущев, улыбаясь, поглядывает на Булганина и, высоко подняв руки, аплодирует.

Помещение на подиум и украшение цветами портрета европейского правителя было обычной формой монархического культа в колониальную эпоху. Впрочем, как отмечает

²³ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Т. 1–3. СПб., 1893–1897.

²⁴ Половцов А.А. Письма о заграничном путешествии его имп. выс. великого князя Владимира Александровича 1870 года. СПб., 1871; Случевский К.К. По Северу России. Путешествие их императорских высочеств великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 гг. Т. 1–2. СПб., 1886; Радде Г.И. 23 000 миль на яхте «Тамара»: Путешествие их императорских высочеств великих князей Александра и Сергея Михайловичей в 1890–1891 гг. Т. 1–2. СПб., 1892, и др.

²⁵ Запись выступления... С. 258.

²⁶ Миссия дружбы... Вып. 2. Вклейка между с. 176–177.

²⁷ Там же. С. 211.

²⁸ Там же. Вып. 1. С. 217.

²⁹ Снимок опубликован среди материалов выставки «Лидеры СССР за границей» на сайте проекта «История России в фотографиях»: URL: <https://russiainphoto.ru/exhibitions/1469/#13> (дата обращения: 01.7.2024). Там же можно найти и другие связанные с визитом в Бирму 1955 г. фотографии.

С. Прочки в недавнем исследовании о портретах королевы Вильгельмины в Нидерландской Индии (совр. Индонезии)³⁰, выставление портрета могло иметь разные значения. Оно могло служить не только изъявлению верноподданнических чувств, но также вписыванию изображения правителя в местную культурную традицию и тем самым – валоризации этой традиции перед лицом европейцев. На фотографии видно, что Булганин и Хрущев относятся к воздаваемым царским почестям с большой долей иронии, как к веселой игре. Однако лица стоящих за бюстом бирманцев гораздо более серьезны. Ирония по отношению к монархическому ритуалу (а возможно, и по поводу неуместной уже во времена «коллективного руководства» сталинской манеры возвеличивания главы государства³¹) оказывается на грани иронии по отношению к местной культурной традиции.

Таким образом, участники визита в Бирму сталкивались с противоречивой задачей: уважительно относиться к местным традициям, но при этом не вызывать у советских граждан аналогий с царскими временами. Подобного рода противоречия возникали в ходе поездки еще не раз. Вот еще три небольших примера.

Журналисты «Правды» сообщают о посещении в Рангуне (совр. Янгон, до 2005 г. – столица страны) советскими руководителями пагоды Шве-Дагон и даже совершении жертвоприношений в пользу храма. Это оказывается поводом для экскурсии о жизни буддийских монахов: «Приближаясь к пагоде Шве-Дагон, гости увидели на дорогах много бритоголовых людей в оранжевых мантиях, перекинутых через одно плечо, с черными лакированными сосудами в руках. Это монахи»³². В пояснении как будто признается, что жителям СССР образ буддийского монаха неизвестен, потому что почти все храмы были закрыты и разрушены, а духовенство большей частью репрессировано. Возможно, как следствие этого противоречия, через три месяца, в марте 1956 г., будет отменен режим спецпоселения для калмыков, а в январе 1957 г. им разрешат вернуться в родные места. В состав делегации, посещавшей Индию, Бирму и Афганистан, входил лично занимавшийся депортациями председатель КГБ СССР И.А. Серов, которого в 1958 г. переведут на менее публичную должность начальника Главного разведывательного управления Министерства обороны СССР.

Осматривая порт Рангуна, где все еще были видны разрушения времен Второй мировой войны, Булганин возмущается действиями наших союзников в войне с Японией (Рангун в 1942–1945 гг. был оккупирован японской армией и использовался для ее нужд; при отступлении англичан портовые сооружения были взорваны, а затем неоднократно подвергались бомбардировкам британской и американской авиацией). Показывает эти разрушения советской делегации премьер-министр У Ну, занимавший в 1942–1945 гг. пост министра иностранных дел и информации в коллаборационистском правительстве Ба Мо, о чем в советском описании поездки не упоминается.

Залюбовавшись резными орнаментами в бирманской архитектуре, Хрущев спохватывается, что мы-то в СССР объявили борьбу с украшениями зданий, считая их расточительством. 4 ноября 1955 г., за несколько дней до отъезда делегации из Москвы, было принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», обозначившее переход от сталинской к хрущевской архитектурной и градостроительной политике. Разворот к неомодернистской «интернациональной архитектуре» в духе В. Гропиуса и Л. Миса ван дер Роэ сталкивается с постколониальной валоризацией национальных строительных традиций. Чтобы выйти из сложной ситуации, первый секретарь ЦК признает, что «в данном случае архитектурные украшения оправдывают

³⁰ Protschky S. *Photographic Subjects: Monarchy and Visual Culture in Colonial Indonesia*. Manchester, 2019. См. об этой книге: Савицкий Е. Колониальная фотография и воспитание (не)граждан (обзор) // Новое литературное обозрение. 2020. № 6 (166). С. 594–605.

³¹ См.: Артюков А. П., Козловская Г. Е. Содержание доклада Н. С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях» как итог «скрытой» десталинизации 1953–1956 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 12. Вып. 5 (103). URL: <https://history.jes.su/S207987840016001-0-1> (дата обращения: 01.07.2024)

³² Миссия дружбы... Вып. 2. С. 198.

свое назначение»³³. В этой фразе утилитаристский язык стремящегося к стандартизации международного неомодернизма парадоксально соединяется с отсылкой к уникальности факта. Кроме того, Хрущев тут же рассказывает, что после издания постановления американцы предложили архитектору А.В. Власову³⁴, находившемуся в тот момент в зарубежной поездке, не возвращаться на родину, но советские архитекторы – патриоты и ценят критику как помощь в работе.

Эти и приведенные ранее примеры показывают, что противоречия советского политического языка не были чем-то подспудным и неосознанным, но было бы неверно свести их и к сознательному лицемерию: они то и дело возникали как вынужденная импровизация в ответ на конкретные обстоятельства, позволявшие хоть как-то сбалансировать различные аспекты внутренней и внешней политики, пока еще нет возможности их изменить (вернуть из ссылки калмыков, дождаться модернизации и секуляризации постколониальных стран и т.п.) То, с какой частотой эти противоречия возникают в повествовании о государственных визитах в Индию, Бирму и Афганистан 1955 г., свидетельствует, что для советского политического языка этого времени амбивалентность была скорее нормой, чем исключением, делая возможным сочленение разных, а порой и едва ли совместимых политических языков, что, вероятно, можно отнести к особенностям эпохи «оттепели» и деколонизации.

Библиография

Арнольд Д. Государственное здравоохранение и государственная власть: Медицина и гегемония в колониальной Индии // *Болезнь и здоровье: Новые подходы в истории медицины* / под общ. ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб., 2008. С. 168–195.

Артюков А.П., Козловская Г.Е. Содержание доклада Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» как итог «скрытой» десталинизации 1953–1956 гг. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 12. Вып. 5 (103). URL: <https://history.jes.su/S207987840016001-0-1> (дата обращения: 01.07.2024).

За рамками тоталитаризма: Сравнительные исследования сталинизма и нацизма / под ред. М. Гейера, Ш. Фицпатрик. М., 2011.

Китаев Л.М., Большаков Г.Н. Визит дружбы. Пребывание Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в Индии и Бирме. М., 1957.

Коекер Д. SPАсибо партии: Отдых, путешествия и советская мечта / пер. с англ. В.А. Петрова. СПб., 2022.

Коткин С. Говорить по-большевистски (из кн.: «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет, советский период*. Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 250–328.

Мирзаханов В.С. Феномен колониализма в мировой истории: темы и тенденции новейшей историографии // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2023. Т. 14. Спец. выпуск «Африка в мировой истории». URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (дата обращения: 01.07.2024).

Миссия дружбы: Пребывание Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Индии, Бирме, Афганистане. Т. 1–2. М., 1956.

Мифологический словарь / под ред. Е.М. Мелетинского. М., 1992.

Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. А.Н. Артизов, В.П. Наумов, М.Ю. Прокуменщиков и др. М., 2007.

Лайнс Р. Россия при большевиках. М., 1997.

Пленум Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза. 19–23 ноября 1962 г. Стенографический отчет. М., 1963.

Половцов А.А. Письма о заграничном путешествии его имп. выс. великого князя Владимира Александровича 1870 года. СПб., 1871.

Радде Г.И. 23 000 миль на яхте «Тамара»: Путешествие их императорских высочеств великих князей Александра и Сергея Михайловичей в 1890–1891 гг. Т. 1–2. СПб., 1892.

³³ Миссия дружбы... Вып. 2. С. 200–201.

³⁴ Главный архитектор Киева в 1944–1950 гг., Москвы в 1950–1955 гг., президент Академии архитектуры СССР в 1955–1956 гг., занимался ее ликвидацией.

Разбуженный Восток: Записки советских журналистов о визите Н.С. Хрущева в Индию, Бирму, Индонезию, Афганистан. Т. 1–2. М., 1960.

Савицкий Е. Колониальная фотография и воспитание (не)граждан (обзор) // Новое литературное обозрение. 2020. № 6 (166). С. 594–605.

Саид Э. Ориентализм. М., 2021.

Случевский К.К. По Северу России. Путешествие их императорских высочеств великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 гг. Т. 1–2. СПб., 1886.

Счастье и мир – народам! Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева в Индии, Бирме, Индонезии и Афганистане. 11 февраля – 5 марта 1960 г. М., 1960.

Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Т. 1–3. СПб., 1893–1897.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011.

Халфин И. Автобиография большевика. Между спасением и падением. М., 2023.

Хелльбек Й. Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи. 3-е изд. М., 2023.

Хлевнюк О. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М., 2023.

Bhabha H. Of Mimicry and Man. The Ambivalence of Colonial Discourse // Bhabha H. The Location of Culture. New York; London, 1993. P. 85–92.

Protschky S. Photographic Subjects: Monarchy and Visual Culture in Colonial Indonesia. Manchester, 2019.

References

Arno'd D. Gosudarstvennoe zdravookhranenie i gosudarstvennaia vlast': Meditsina i gegemoniia v kolonial'noi Indii [Public Health and State Power: Medicine and Hegemony in Colonial India] // *Bolezni i zdorov'e: Novye podkhody v istorii meditsiny* [Disease and Health: New Approaches in the History of Medicine] / red. Iu. Shliumbom, M. Hagner, I. Sirotkina. Sankt-Peterburg, 2008. S. 168–195. (In Russ.)

Artukov A.P., Kozlovskaia G.E. Soderzhanie doklada N.S. Khrushcheva "O kul'te lichnosti i ego posledstviakh" kak itog "skrytoi" destalinizatsii 1953–1956 gg. ["Secret Speech" of Nikita Khrushchev "On the Cult of Personality and Its Consequences" as a Result of the Hidden De-Stalinization of 1953–1956] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya"* [Electronic scientific and educational Journal "History"]. Vol. 12. № 5 (103). URL: <https://history.jes.su/S207987840016001-0-1> (access date: 01.7.2024). (In Russ.)

Fitzpatrick Sh. Sryvajte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka [Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Hal'fin I. Avtobiografija bol'shevizma. Mezhdru spaseniem i padeniem [Red Autobiographies. Initiating the Bolshevik Self]. Moskva, 2023. (In Russ.)

Hellbeck J. Revoliutsiia ot pervogo litsa: Dnevnik stalinskoj epokhi [Revolution on My Mind. Writing a Diary under Stalin]. 3-e izd. Moskva, 2023. (In Russ.)

Khlevniuk O. Korporatsiia samozantsev. Tenevaia ekonomika i korruptsiia v stalinskom SSSR [Imposter Corporation. Shadow Economy and Corruption in the Stalinist USSR]. Moskva, 2023. (In Russ.)

Kitaev L.M., Bol'shakov G.N. Vizit družby. Prebyvanie Marshala Sovetskogo Soiuza G.K. Zhukova v Indii i Birme [Friendship Visit. Stay of Marshal of the Soviet Union G.K. Zhukov in India and Burma]. Moskva, 1957. (In Russ.)

Koenker D.P. Spacibo partii: Otdyh, puteshestvija i sovetkaja mechta [Club Red. Vacation Travel and the Soviet Dream]. Sankt-Peterburg, 2022. (In Russ.)

Kotkin S. Govorit' po-bol'shevistski (iz knigi "Magnitnaya gora: Stalinizm kak tsivilizatsiia") [Speaking Bolshevik (from "Magnetic mountain: Stalinism as a civilization")] // *Amerikanskaja rusistika: Vehi istoriografii poslednih let, sovetiskij period. Antologija* [American Russian Studies: Milestones in Historiography of Recent Years, Soviet Period. Anthology]. Samara, 2001. S. 250–328

Mifologicheskii slovar' [Mythological dictionary] / red. E.M. Meletinskiy. Moskva, 1992. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Fenomen kolonializma v mirovoi istorii: temy i tendentsii noveishei istoriografii [The Phenomenon of Colonialism in World History: Themes and Trends in Recent Historiography] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriia"* [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. Vol. 14. Spets. vypusk "Afrika v mirovoi istorii". [Special Issue: Africa in World History]. URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (access date: 01.7.2024). (In Russ.)

Missiia družby: Prebyvanie N.A. Bulganina i N.S. Khrushcheva v Indii, Birme, Afganistane [Mission of Friendship: N. Bulganin and N. Khrushchev's Stay in India, Burma, Afghanistan]. Vol. 1–2. Moskva, 1956. (In Russ.)

Nikita Khrushchev. 1964. Stenogrammy plenuma TsK KPSS i drugie dokumenty [Nikita Khrushchev. 1964. Transcripts of the Plenum of the CPSU Central Committee and Other Documents] / sost. A.N. Artizov, V.P. Naumov, M.Iu. Prozumenshchikov i dr. Moskva, 2007. (In Russ.)

Pipes R. Rossiia pri bol'shevikh [Russia under the Bolshevik Regime]. Moskva, 1997. (In Russ.)

Plenum Tsentral'nogo komiteta Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuzu. 19–23 noiabria 1962 g. Stenograficheskii otchet [Plenum of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union. November 19–23, 1962. Verbatim report]. Moskva, 1963. (In Russ.)

Polovcov A.A. Pis'ma o zagranichnom puteshestvii ego imp. vys. velikogo kniazia Vladimira Aleksandrovicha 1870 goda [Letters about the foreign travel of His Imperial Highness Grand Duke Vladimir Alexandrovich in 1870]. Sankt-Peterburg, 1871. (In Russ.)

Radde G.I. 23 000 mil' na iakhte "Tamara": Puteshestvie ikh imperatorskikh vysochestv velikikh kniazei Aleksandra i Sergeia Mikhailovichei v 1890–1891 gg. [23,000 miles on the yacht "Tamara": The Voyage of Their Imperial Highnesses Grand Dukes Alexander and Sergei Mikhailovich in 1890–1891]. Vol. 1–2. Sankt-Peterburg, 1892. (In Russ.)

Razbuzhennyi Vostok: Zapiski sovetskikh zhurnalistov o vizite N.S. Khrushcheva v Indiiu, Birmu, Indoneziiu, Afganistan [Awakened East: Notes of Soviet Journalists about N. Khrushchev's visit to India, Burma, Indonesia, Afghanistan]. Vol. 1–2. Moskva, 1960. (In Russ.)

Said E. Orientalism [Orientalism]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Savitsky E. Kolonial'naia fotografiia i vospitanie (ne)grazhdan (obzor) [Colonial Photography in the Education of (Non-) Citizens (Overview)] // Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. 2020. № 6 (166). S. 594–605. (In Russ.)

Schast'e i mir – narodam! Prebyvanie Predsedatelia Soveta Ministrov SSSR N.S. Khrushcheva v Indii, Birme, Indonezii i Afganistane. 11 fevralia – 5 marta 1960 g. [Happiness and peace to the peoples! Stay of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR Khrushchev in India, Burma, Indonesia and Afghanistan. February 11 – March 5, 1960]. Moskva, 1960.

Sluchevskii K.K. Po Severu Rossii. Puteshestvie ikh imperatorskikh vysochestv velikogo kniazia Vladimira Aleksandrovicha i velikoi kniagini Marii Pavlovny v 1884 i 1885 gg. [In the North of Russia. The journey of Their Imperial Highnesses Grand Duke Vladimir Alexandrovich and Grand Duchess Maria Pavlovna in 1884 and 1885]. Vol. 1–2. Sankt-Peterburg, 1886. (In Russ.)

Ukhtomskii E.E. Puteshestvie na Vostok ego imperatorskogo vysochestva gosudaria naslednika tsesarevicha [Journey to the East of His Imperial Highness the Heir to the Throne], 1890–1891. Vol. 1–3. Sankt-Peterburg, 1893–1897. (In Russ.)

Za ramkami totalitarizma: Sravnitel'nye issledovaniia stalinizma i natsizma [Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared] / red. M. Geyer, Sh. Fitzpatrick. Moskva, 2011. (In Russ.)

Bhabha H. Of Mimicry and Man. The Ambivalence of Colonial Discourse // Bhabha H. The Location of Culture. New York; London, 1993. P. 85–92.

Protschky S. Photographic Subjects: Monarchy and Visual Culture in Colonial Indonesia. Manchester, 2019.